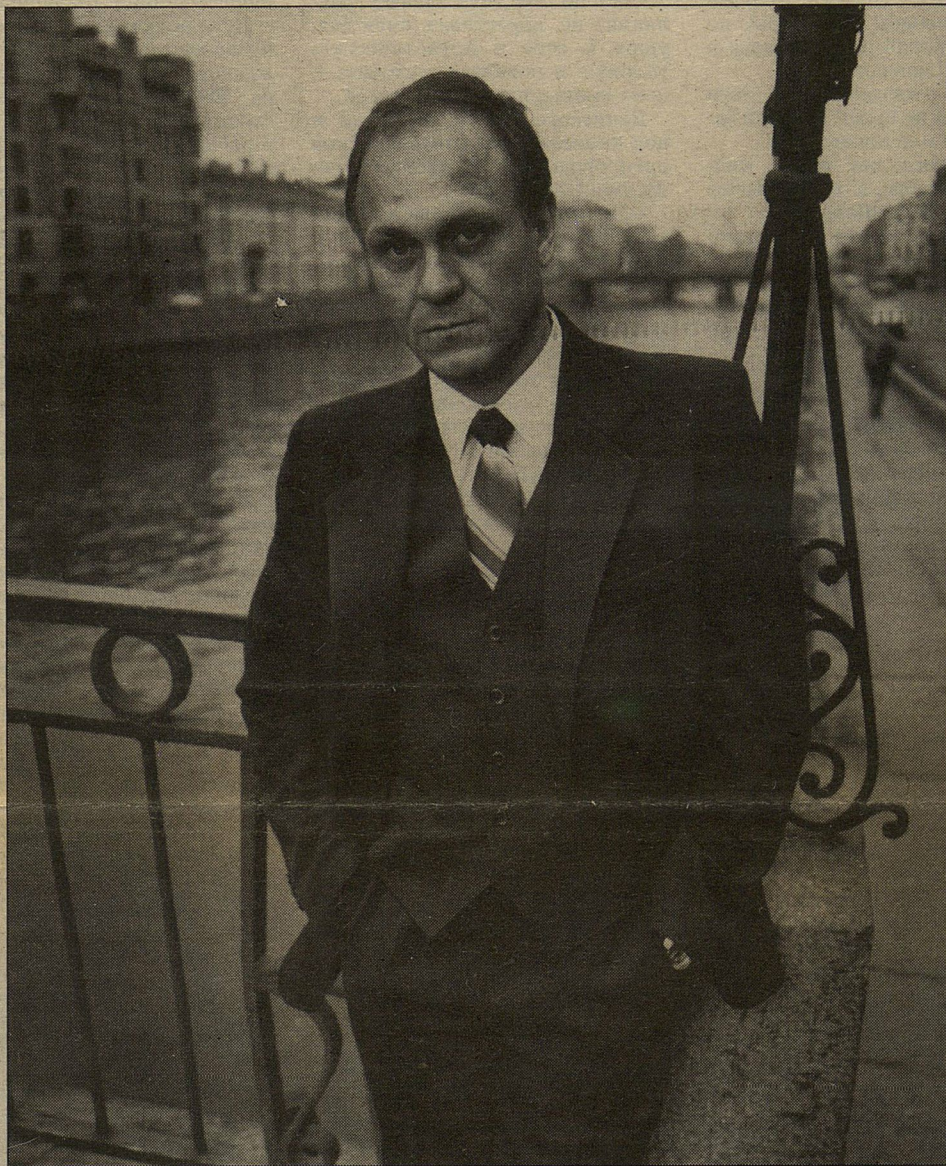

Экран и сцена.
2001 - сент. - окт.
(~ 31-32) - с. 16

Владимир МЕНЬШОВ:

«Я видел себя режиссером»

Водила нас однажды с Кареном Шахназаровым по студии в Сан-Франциско очень вежливая, но достаточно равнодушная дама: ну, приехали из России какие-то режиссеры. Показала в библиотеке книжку: "Здесь сведения обо всех лауреатах "Оскара", но Спилберга в этой книжке еще нет". Взял я у нее книжку, полистал, нашел себя, показываю. Так эта дама от неожиданности чуть под стол не упала.

Вообще-то, жизнь моя уже идет как бы по вполне определенному руслу, но уверен, что ни от какого поворота судьбы зарекаться нельзя. Гороскопам не доверяю и всегда со смехом отношусь к тем, кто все это всерьез воспринимает. Жизнь меня научила не бить себя в грудь и не каяться. За мной вообще много долгов и всякого неисполненного, но если по большому счету, то могу признать, что есть картина, которой имею право гордиться. Лебединая ли это моя песня или вершина — "Москва слезам не верит". Знаю, что для ровесников моих она как портрет нашего поколения, знак эпохи, времени. Для детей наших — как образ: "А вот вы какими, оказывается, были в шестидесятые, когда начинали. А такими — уже в годы расцвета". Так что сожалеть о собственной судьбе просто не имею права.

Я, безусловно, режиссер. Актерство для меня — всего лишь для "прожиточного минимума", чтобы не чувствовать себя выключенным из кинопроцесса. Хотя и моя актерская биография, как ни странно, состоялась: смотрю иной раз картины, где снялся: "А неплохо, черт возьми, тут артист Меньшов работает". Когда-то я просил у судьбы права быть причастным к искусству, поступать поехал во ВГИК именно на артиста учиться. Я киноманом сумасшедшим был. Фильмы с Юматовым, Рыбниковым по пять раз смотрел. Они ведь не были красавцами, но какая бездна обаяния, я их обожал просто. И думал: я тоже не красавец, и тоже смогу, наверное, социальные роли играть. Красавцем у нас в Астрахани Эмма Виторган был, его в самодеятельных спектаклях в Доме пионеров весь город ходил смотреть, как он там какой-то цветок-вазелик играл.

И поехал я из семьи военного в Москву с золотой медалью. Все уверены были, что в МГУ, а я — во ВГИК. Для меня с детства слово "кино" волшебным было. Приехал и два дня вокруг ВГИКа ходил — боялся порог этого храма переступить. А когда переступил, выяснилось, что к экзаменам я категорически не готов. Четыре раза срезался. Между поступлениями в шахте работал, водолазом, на телевидении в Воркуте. В театр в масовку устраивался, дневники вел, впечатления записывал — жизнь осмыслял. В конце концов поступил в Школу-студию МХАТ — по недоразумению, наверное. Судьба, удача, везение — не знаю, только когда в четвертый раз поступать ехал, был уже на грани нервного срыва. Решил, если не поступлю, покончу с собой. Я уже точно знал, что ничего другого в этой жизни я делать не смогу. Поступление в Школу-студию и стало моей первой жизненной удачей.

Школа-студия была очень серьезным заведением, к нам Солженицын приходил, мы его рассказы ставить пытались. Педагогов высочайшего уровня. Курс был трудный, но талантливым: Андрей Мягков, Ирина Мирошниченко, Ася Вознесенская, Вера Быкова (потом она Алентовой стала, взяла мамину фамилию девочки). По способностям я на курсе был почти последним. Если роль давали, в библиотеку залезал, читал Станиславского, монологи внутренние сочинял. В итоге выходил на сцену невероятно зажатый, перепуганный. После окончания Школы-студии всех по театрам разобрали — "Современник", МХАТ, — а меня никто не захотел к себе взять. В общежитии я жил с ребятами из Ленинграда. Они Окуджаву пели, разговоры умные

вели, стихи писали. И постоянно надо мной насмехались. Тем не менее, в обучение это я к ним пошел и за многое им невероятно благодарен.

К худшему или к лучшему это случилось, но к моменту окончания учебы в Школе-студии моя актерская душевная гармония окончательно разрушилась. Посмотрел я, например, на сцене любимого "Современника" любимого моего Табакова и... Нет, не позавидовал, скорей, удручен был, происшедшее на сцене я воспринимал не как зритель, а как режиссер: вот тут я бы так развел, тут так бы сделал. Тогда много зарубежных театров в Москву приезжало, я смотрел все подряд. Репертуар Эфроса, "Современника" наизусть знал. И как раз в это время прочел книжку Михаила Ромма "Беседа о кино", позвонил ему: "Хочу у вас учиться!" Встретились. "Вы мне симпатичны, но... Приносите работы через год. Будут интересные, я вас возьму". С тем я и уехал в Ставрополь. В драмтеатр.

("За годы работы в театре Меньшов В.В. сыграл роли, которые показали его одаренным актером широкого диапазона, органичным, убедительным, обладающим взыскательным художественным вкусом, умением проникнуть во внутренний мир образа. Хорошая школа, чувство меры, заразительность и правильные психологические разработки отличали актерские работы

Меньшова. Особо следует отметить режиссерские пробы В.Меньшова. Обладая эрудицией, высокой культурой, любознательностью, умением мыслить образно и оригинально, организаторским даром и исключительной добросовестностью, Владимир Меньшов отлично зарекомендовал себя в качестве ассистента режиссера при постановке спектакля "Шестое июля" и режиссера при постановке спектакля "Белоснежка и семь гномов". — Из характеристики Ставропольского драмтеатра имени М.Лермонтова. — Г.С.)

В судьбе моей Михаил Ильич Ромм занимает совершенно особое место, он для меня образец человеческих и профессиональных качеств. Став моим научным руководителем (формально я числился аспирантом кафедры режиссуры ВГИКа), он практически взял к себе на курс еще одного студента. Однажды он сказал: "Я вас взял, чтобы повысить интеллектуальный уровень курса" — конечно, пошутил. Я благодарен ему за то, что он читал мои сценарии, что посмотрел "Счастливого Кукушкина" — дипломную работу моего однокурсника, где мы с Ларисой Удовиченко явили себя миру. Ромм по поводу меня в роли Паши Кукушкина произнес тогда слова, которые мне до сих пор не удалось претворить в жизнь: "Тебе надо играть интеллигентов". После смерти Михаила Ильича большую роль в моей ки-

нематографической судьбе сыграли замечательные сценаристы Юлий Дунский и Валерий Фрид. Они меня поддерживали, когда я сиротливо околачивал пороги киностудий.

Поступив к Ромму, я всячески избегал актерской работы, но так получилось, что после "Счастливого Кукушкина" на меня вдруг спрос у режиссеров возник. За роль Семена Боброва в фильме "Человек на своем месте" даже первую премию на Всесоюзном фестивале получил. До сих пор очень люблю своего Клим Авилова в "Последней встрече" — в нем много от моего отца, самого себя создавшего, к нему друзья советоваться приходили, у родственников авторитетом пользовался. В общем, получилось так, что в Союз кинематографистов приняли меня как актера. Но я-то себя видел режиссером.

Какой фильм самый "мой"? Пожалуй, "Любовь и голуби". Он так легко шел, словно пропелся, что ли. Я снимаю не часто, и как можно при этом делать проходной фильм?! Для меня каждый из моих фильмов — абсолютная ответственность за собственный поступок. Хотя иногда возникало ощущение, что вот ЭТОТ сделаю, а уж потом ГЛАВНЫЙ, в котором все-все-все, что знаю про жизнь, расскажу.

За постановку "Розыгрыша" в свое время взялся с большим страхом, не был готов к разговору о молодежи. Но возраст, однако, подходил к сорока, и оттягивать было просто опасно. Пока работал, был полностью поглощен производственными проблемами первой картины и ни о каком сверхуспехе не помышлял, просто хотел сделать нескучную и неназидательную картину. А после шквала писем от зрителей понял, что кино можно делать о ком и о чем угодно, только чтобы было в нем исследование души.

Самое серьезное и крупное везение в моей жизни — Вера. Весь курс, да и вся Школа-студия были в полнейшем недоумении, когда мы поженились: "Она себе испортит карьеру". Ее внешность, ее данные с моими, тогдашними, ну никак не соотносились: страшный был, худой. Она меня откормила, заставляла пивные дрожжи пить. Сегодня могу вполне определенно заявить: мы идеально нашли друг друга. Мы друг друга очень дополняем. Для того, кто не знает Веру, она представляется эдакой воспитанницей Смольного института. Но росла она в нищете куда большей, чем я, лет до пятнадцати для нее конфеты в радость были. А в дни нашей дружбы я в глазах окружающих даже некую таинственность приобрел: кто его знает, может, что-то в нем и в самом деле есть, если такая женщина на него глаз положила.

Между прочим, девчонок своих я впервые снял еще в курсовой работе во ВГИКе. Называлась она "К вопросу о диалектике восприятия искусства, или Утраченные грезы". В основе ее был спектакль театра имени Пушкина "Аленький цветочек", где Вера Алентушка играла, Юлька же была такой восторженной зрительницей. Было ей тогда года три. Зато сегодня... Право, не знаю, радоваться или негодовать, когда меня иной раз представляют на ту-совках не "режиссер Владимир Меньшов", а "Владимир Валентинович, папа Юли Меньшовой". Дожил.

Сожалею ли я о чем-нибудь сегодня? Прежде всего, о том, что трудолюбия я не выдающегося. Я не из тех, чей принцип "ни дня без строчки". Сколько же минут-часов бездарно в пустой болтовне потеряно. Слава богу, что есть все-таки у меня оправдания — фильмы мои, которые нужны зрителям. Они — оправдания всем моим сожалениям. Что дальше? Хочу оставаться верным самому себе, доверять внутреннему своему голосу, который пока меня не обманывал.

Монолог режиссера записал
Геннадий СУХИН

Меньшов Владимир

19.01.2001